

МУРДУСКИНА ОЛЬГА ВАЛЕРИЕВНА

**ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ КАК СРЕДСТВО САМООРГАНИЗАЦИИ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре германских языков Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Международный институт рынка»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Водоватова Татьяна Евгеньевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Дементьев Вадим Викторович

кандидат филологических наук, доцент
Юровицкая Лариса Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Защита состоится 26 января 2012 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.216.03 в ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия» по адресу: 443099, г.Самара, ул.М.Горького, 65/ 67, корпус 1, ауд.9.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Поволжской государственной социально-гуманитарной академии по адресу: 443099, г.Самара, ул.М.Горького, 65/ 67, корпус 1, ауд.9.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ГОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия»: www.pgsga.ru

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Автореферат разослан «19» декабря 2011 г.

0000806518

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Е.Б. Борисова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена комплексному изучению функционирования языковых аномалий в художественных и публицистических текстах на английском языке.

Изучение *языковых аномалий* как функционально значимого намеренного нарушения нормы сочетаемости языковых единиц занимает важное место в ряду значительно активизировавшихся в последнее время направлений и подходов, связанных с проблематикой «язык как творчество». Многие лингвисты занимаются изучением культурной и эстетической значимости языковой игры и языкового эксперимента, поэтики языковой деформации как поиска новых средств языковой выразительности для художественного освоения сложного и меняющегося мира в современной культуре.

Проблема нарушения сочетаемости языковых единиц представляет немалый теоретический и практический интерес на современном этапе в том числе и потому, что именно изучение разного рода нарушений и отклонений от известных нам закономерностей функционирования языка позволяет глубже понять природу самого объекта и уровень знания о нем.

Языковые аномалии были объектом ряда лингвистических исследований с позиций логического анализа (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев), прагмалингвистики (М.А. Кулинич, Е.В.Падучева, Т.Б. Радбиль, В.З. Санников, А.Д. Шмелев) и лингвостилистики (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Т.Б. Радбиль, В.З. Санников, С.Г. Тер-Минасова), однако их функциональная значимость в самоорганизации англоязычного дискурса до сих пор не получила достаточного освещения.

Функционально значимые отклонения от языковой нормы действуют, очевидно, в определенных рамках, иначе будет затруднено понимание в процессе общения, поэтому возможно определять «правила нарушения правил». Определение этих правил, то есть возможностей лексических и грамматических нарушений в образовании новых упорядоченных структур в системе дискурса и определяет **актуальность** данной работы. Актуальность работы определяется также тем, что аномалии как средство самоорганизации англоязычного дискурса еще не были предметом специального изучения.

Объект данного исследования составляют языковые аномалии в текстах двух функциональных стилей современного английского языка: художественного и публицистического. **Предметом исследования** являются особенности языковых аномалий как средства самоорганизации англоязычного дискурса.

Основная цель исследования заключается в выявлении закономерностей возникновения и разрешения семантических противоречий в структуре языковых аномалий.

Поставленная цель обусловила решение следующих задач:

1. Уточнить понятие языковой аномалии.
2. Описать существующие в английском языке модели лексических и грамматических нарушений.
3. Описать лингвистические процессы, помогающие разрешить противоречия в структуре нарушений.
4. Установить роль языковых аномалий как средства смысловой самоорганизации в англоязычном художественном тексте.

5. Определить роль языковых аномалий как средства смысловой самоорганизации в англоязычном публицистическом тексте.

Цель и задачи исследования определили выбор следующих инструментов исследования: методы лингвистического описания; сопоставительного и количественного анализа; семантического моделирования; метод компонентного анализа и трансформационный метод; а также приемы семантической и контекстуальной интерпретации языковых конструкторов.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые описываются языковые аномалии в английском языке с позиций лингвосинергетики, что позволяет проанализировать механизмы реализации и разрешения противоречий в смысловой структуре языковых аномалий, в результате которых происходит формирование функционального пространства англоязычного дискурса.

Материалом исследования послужили современные англоязычные художественные и публицистические тексты, из которых методом сплошной выборки были выделены примеры нарушения языковой нормы общим количеством 631 единица. Общий объем анализируемых художественных и публицистических текстов составляет 22 млн. печатных знаков.

В качестве **теоретико-методологической базы** исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, И.В. Арнольд, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, В.Г. Гака, И.Р. Гальперина, И.А. Герман, К.И. Декатовой, В.В. Дементьева, Е.А. Земской, И.М. Кобозевой, М.А. Кулинич, Е.В. Падучевой, В.А. Пищальниковой, Т.Б. Радбиля, В.М. Савицкого, В.З. Санникова, С.Г. Тер-Минасовой, П. Грайса, Г. Хакена, Э. Хаугена, С. Beedham, W.Z. Chafe, D.L. Cooper, G.Lakoff, P.S. Ray, P. Stockwell и других.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования являются дальнейшей разработкой проблем логической семантики и теории дискурса. Выявленные синергетические способы снятия противоречия в структуре языковых аномалий могут способствовать развитию теоретико-методологической базы лингвосинергетики.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения фактического материала и выводов диссертации при построении курсов лексикологии, стилистики, семантики, теоретической и практической грамматики, практического курса перевода, лингвистического анализа художественных и публицистических текстов, а также при написании курсовых и дипломных работ.

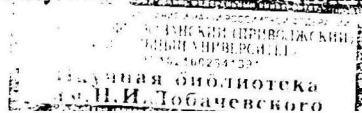
На защиту выносятся следующие положения:

1. Языковая аномалия – это функционально значимое намеренное нарушение норм или правил употребления языковой единицы. Языковая аномалия сводится, по сути дела, к намеренным нарушениям сочетаемости слов на лексико-семантическом и/или грамматическом уровне.

2. Языковые аномалии служат средством смысловой самоорганизации дискурса как синергетического процесса, который завершается формированием нового, приращенного смысла, не являющегося выражением системного значения языковых единиц, образующих языковую аномалию в английском языке.

3. Лексические и грамматические нарушения сочетаемости слов в английских словосочетаниях имеют определенные границы, поэтому таковые нарушения получают свою реализацию в определенных моделях языковых аномалий.

4. Лингвистический механизм снятия противоречий в смысловой структуре языковых аномалий заключается в контекстуально обусловленной модификации

значения составляющих словосочетание единиц, которое сопровождается формированием дополнительных имплицитных смыслов. Выбор способа преодоления противоречий в структуре аномалий обусловлен характером самих противоречий и особенностями текста.

5. Языковая аномалия выступает в качестве средства самоорганизации прежде всего художественного и публицистического англоязычного дискурса. Результат самоорганизации дискурса заключается в образовании новых упорядоченных структур коммуникативно-функционального плана.

Апробация работы осуществлялась на ежегодных Международных научно-практических конференциях Международного института рынка «Актуальные проблемы современного социально-экономического развития» (Самара, 2009-2011), на Международных научных конференциях «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков» (Тольятти, 2007, 2010), Международных научно-практических конференциях «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 2009, 2011), Международной научно-практической конференции «Проблемы прикладной лингвистики» (Пенза, 2010), Международной конференции «Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации» (Ульяновск, 2010). По теме диссертации опубликовано 11 работ, включая 2 публикации в сборниках, рекомендованных ВАК.

Цель и задачи настоящей диссертации определили ее **объем и структуру**. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка теоретической литературы, списка лексикографических источников и списка источников языкового материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, формулируются цель и задачи работы, определяется объект и предмет изучения, раскрывается научная новизна, обозначается методологическая и теоретическая база исследования, его теоретическая и практическая значимость, описывается материал исследования, приводятся данные о структуре и апробации работы, формулируются выносимые на защиту положения.

В **первой главе** «Языковая норма и проблема ее изучения» излагаются основные теоретические положения, послужившие базой для настоящего исследования. В ней рассматривается многоаспектная и многофункциональная природа языковой нормы в описании лингвистов разных школ и дается понимание языковой нормы как точки отсчета при определении языковой аномалии. В этой же главе дается описание лингвосинергетической теории самоорганизации смысла, на которую мы опираемся при описании способов снятия противоречий в структуре языковых аномалий.

Языковая норма рассматривается через соотношение понятий «система», «норма» и «узус». На основании этого подхода приходим к выводу, что норма – понятие относительное, которое зависит от множества факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. В настоящем исследовании в основе понимания **языковой нормы** лежит принятое языковым коллективом представление о стандартных, обычных и наиболее принятых правилах употребления языковых единиц в процессе коммуникации. Таким образом, понятие нормы складывается из стандарта, правила и обычая употребления языка.

В качестве отправной точки отсчета при определении нарушений нормы в анализируемом материале берется ядро нормы, а именно *кодифицируемая норма*, так как она является объективным структурным и функциональным критерием языковой правильности. Помимо этого, так как признание нормативности языкового явления основывается также и на факте массового и регулярного употребления данного явления в процессе коммуникации, учитывается и *узальная (речевая) норма* при определении явления как нормативного.

Анализ понятия языковой аномалии показал многоплановость данного феномена, которая объясняется тем, что существуют разнообразные определения сути явления и механизмов его возникновения. С позиций *когнитивной, гносеологической* трактовки аномалия рассматривается как фиксация некоего отклонения от известных нам закономерностей в процессе восприятия, осмысления и познания объекта. Применительно к языку таким законом, относительно которого языковой знак будет признан аномальным, является *норма*. Поэтому в оппозиции *норма — аномалия* именно *аномалия* выступает как маркированный коррелят *нормы*.

Многогранность аномалии, отражение в ней как лингвистических, так и экстралингвистических проблем поддерживает к ней интерес многих известных лингвистов. В ходе анализа ряда работ Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, И.М. Кобозевой, Е.В. Падучевой, Т.Б. Радбиля, посвященных языковым аномалиям, была выявлена принципиальная значимость разделения аномалий на следующие виды оппозиций:

Намеренные	↔	Ненамеренные
Авторские	↔	Экспериментальные
Относительные	↔	Абсолютные
Переосмысляемые	↔	Непереосмысляемые
Языковые	↔	Логические

Для настоящего исследования принципиальным является положение о том, что только авторские намеренные, относительные, переосмысляемые аномалии могут получить стандартную интерпретацию, вследствие чего именно они могут служить источником возникновения новых смыслов и выступать в качестве особой формы лингвокреативной деятельности и средства самоорганизации дискурса. В связи с этим предлагается следующее определение *языковой аномалии* как функционально значимого намеренного нарушения нормы или правила употребления языковой единицы, которое реализуется в виде нарушений структурно-семантических связей между словами в высказывании. Языковая аномалия сводится, по сути дела, к намеренным нарушениям на различных уровнях языка, прежде всего на лексико-семантическом и/или грамматическом уровне; основным языковым показателем аномалий является нарушение сочетаемости слов в словосочетании.

Аномалии в таком понимании не ведут к хаотизации системы смыслов и коммуникативному сбою, их использование приводит к возникновению нового кода, результатом применения которого оказывается появление в высказывании дополнительного смысла или полное контекстуальное переосмысление каких-либо его компонентов. Результатом этих изменений в системе является изменение соотношений между знаком и обозначаемым им смыслом с целью сохранения системы, т.е. происходит *самоорганизация системы*.

Для исследования особенностей смысловой самоорганизации целесообразно использовать методологические установки *синергетики*, которая изучает особенности самоорганизации сложных систем, каковой несомненно является язык. Самоорганизация языка как сложной, открытой и неравновесной системы подразумевает образование новых функционально-смысловых свойств по принципу, сформулированному Л.В. Щербой в известном труде «Языковая система и речевая деятельность»: в языке действуют правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы. Синергетическое исследование свойств аномалий при их реализации в речи предполагает описание *моделей* нарушений лексической и грамматической нормы и соответствующих *лингвистических процессов*, сопровождающих намеренные языковые нарушения, как *способа самоорганизации дискурса*, поскольку для языка конечным результатом функционирования системы служит то многогранное смысловое пространство, которое придает тексту свойства дискурса. Результат самоорганизации дискурса заключается в образовании новых упорядоченных структур 1) речемыслительного и 2) коммуникативно-функционального плана.

Противоречие между системным значением языковой единицы и вновь образуемым речевым смыслом являются диалектическим, так как его разрешение завершается формированием новой смысловой структуры. Происходящее в результате изменение соотношения между знаком и обозначаемым им смыслом с целью сохранения смысла является показателем процесса самоорганизации системы. Таким образом, *смысловая самоорганизация* высказывания, в структуре которого содержится аномалия, - это формирование нового приращенного смысла, не являющегося выражением системного значения предложения, вследствие контекстуально обусловленной модификации значений языковых единиц, входящих в его состав.

На основании положений синергетики и лингвосинергетики (Н.Ф. Алефиренко, И.А. Герман, К.И. Декатова, В.А. Пицальникова, Г. Хакен, Р.Г. Пиотровский, А.Ю. Краев и др.) наиболее важными синергетическими процессами, которые обеспечивают самоорганизацию дискурса, содержащего в своей структуре аномальные высказывания, мы полагаем следующие:

1. *Равновесие* в системе смыслов на начальном этапе, на котором языковое значение равно речевому смыслу.
2. *Нелинейность* системы и движение элементов системы к наиболее упорядоченной точке – *аттрактору* (коммуникативной цели).
3. *Хаотизация* - появление функциональных элементов, не соответствующих начальным тенденциям системы.
4. *Функциональные отклонения* – *флуктуации*, которыми в нашем случае являются языковые аномалии.
5. Прохождение критической точки ветвления (*бифуркации*) при выборе дальнейшего пути развития (выбор смыслового вектора из возникающих вариантов).
6. Новое *диссипативное состояние* системы, в которой возникает новый системный порядок с новой самоупорядоченностью и новым механизмом самоорганизации.
7. Новое состояние *дезингрессии* (разрушение системы).

Самосохранение системы смыслов является системообразующим фактором дискурса, поскольку смысловое пространство дискурса складывается из взаимодействия системного значения языковых единиц, коммуникативного

намерения автора (*аттрактора* новой системы смыслов) и коммуникативной ситуации (*контекста*).

Интерпретационные модели, которые помогают реципиенту свести значение аномального сочетания слов к логически корректному смыслу, основаны на следующих видах семантических модификаций:

1. *Сужение* языкового значения; происходит при включении речевого смысла сочетания слов в языковое значение.

2. *Расширение* языкового значения; имеет место при включении языкового значения сочетания слов в речевой смысл.

3. *Сдвиг* языкового значения; происходит при пересечении языкового значения сочетания слов и речевого смысла.

4. *Перенос* языкового значения; наблюдается при внеположении языкового значения сочетания слов и речевого смысла.

При всей своей внешней подвижности, язык и индивидуальная коммуникативная деятельность сохраняют внутреннюю когерентность благодаря стабилизирующему действию механизмов самоорганизации и саморегулирования, которые получают свое выражение в виде *системно-семантических моделей нарушения сочетаемости*.

Во второй главе «Языковые аномалии в художественном тексте» выделены и описаны структурно-семантические модели языковых нарушений в художественном тексте, а также закономерности возникновения и разрешения противоречий в смысловой структуре языковых аномалий. Разрешением противоречий, а следовательно, выходом из состояния смыслового хаоса, становится *модификация* системного значения языковой единицы. Выбор способа преодоления противоречий при смысловом структурировании, то есть типа модификации значения элемента, обусловлен типом противоречия.

Среди аномалий английского языка выделяются три типа нарушений сочетаемости (НС) в зависимости от уровня языковой системы, который участвует в порождении данного нарушения: **лексико-семантические аномалии; морфологические аномалии; синтаксические аномалии.**

I. Лексико-семантические аномалии определяются как нарушение сочетаемости, вызванное тем, что компоненты словосочетания не соответствуют друг другу по смыслу. Существующие семантические ограничения на сочетаемость слов отражаются в определении закона семантической сочетаемости слов, сформулированном В.Г. Гаком: два слова образуют правильное сочетание при условии, если помимо специфических признаков содержат какой-либо общий признак или не имеют несовместимых признаков. Нарушение этого закона приводит к возникновению лексико-семантической аномалии.

НС на лексико-семантическом уровне в художественном тексте сводятся к четырем основным типам:

1. Семантически избыточные сочетания или плеонастические нарушения сочетаемости. Они характеризуются тем, что значение определяющего слова понятийно совпадает со значением определяемого слова (a boyish boy) или с видовым признаком значения определяемого слова (a male boy) или с родовым признаком определяемого слова (a mammal boy).

Для интерпретации речевого смысла таких сочетаний необходимо, чтобы внешне идентичные употребления лексемы выражали разные значения. Расподобление производится на основе речевого контекста, коннотативных признаков слова и запускается авторской интенцией как аттрактором неравновесной

системы при построении такого конструкта. В общем виде смысл в этом случае выводится по следующей схеме: если значение слова А совпадает со значением слова В, то значение одного из слов функционирует в значении, которое отличается от значения другого слова.

Наиболее типичными моделями данного типа нарушений в художественном тексте являются: избыточная позиция обстоятельства, избыточная вербализация адъективного определения, повтор компонентов словосочетания. Реализация синергетического потенциала семантически избыточных сочетаний в приведенных моделях происходит следующим образом.

В случае *избыточной позиции обстоятельства*: *You have seven days because you have seven days* (J. Carroll, *The Wooden Sea*).

В примере придаточное обстоятельственное не объясняет причину и поэтому формально не несет на себе информативной нагрузки, являясь с нормативной точки зрения семантически избыточным. Однако, в данном контексте (требование незнакомца расследовать убийство) происходит *расширение* смысла словосочетания *because you have seven days* → *because you have no choice*. В результате модификации высказывание приобретает следующий имплицитно выраженный смысл – категоричное требование безоговорочного выполнения требования, что придает высказыванию дополнительный оттенок менасивности.

Еще одной моделью семантически избыточных сочетаний является *избыточная вербализация адъективного определения*:

A mixed breed, he had the color and markings of a cow — brown spot here, white there. Midsized, short haired, calm brown eyes, a real dog dog (J. Carroll, *The Marriage of Sticks*).

В примере интенционал понятия dog уже включает в себя признаки, которые есть у собаки; таким образом, в обыденной речи уточняющее определение dog представляется абсолютно излишним, ненормативным. Этот атрибут в тексте *расширяет* свое значение за счет включения в свое языковое значение контекстуально обусловленных подвидовых признаков, то есть dog (собачья) → /небольшая/, /беспородная/, /короткошерстная/, /со спокойными коричневыми глазами/, /пестрого окраса/ и т. п. Необходимо отметить употребление графического маркера в виде курсивного выделения определения для того, чтобы помочь читателю правильно декодировать сообщение.

В случае семантически избыточных сочетаний **семантический механизм** формирования дополнительных имплицитных смыслов заключается в *расширении* языкового значения слова под влиянием контекста и коннотативных наслоений. Самоорганизация системы смыслов в семантически избыточных сочетаниях происходит под влиянием аттрактора - коммуникативного намерения говорящего - усилить характеристики определяемого слова (словосочетания), придать высказыванию экспрессивность. В результате синергии (слияния энергий) всех компонентов системы происходит ситуативное расширение сочетаемости слова.

2. Семантически противоречивые сочетания являются наиболее многочисленной группой лексико-семантических аномалий в художественном тексте. Они образуются по следующему принципу - если значение определяющего слова не совпадает ни с одним признаком (особенно родовым и подвидовым) значения определяемого слова, то в результате возникают семантически противоречивые сочетания. Отношения между элементами таких сочетаний слов строятся по

логическим отношениям дизъюнкции между словами, содержащими несовместимые семы по родовому и подвидовому признаку.

Установление речевого смысла в данном случае производится по следующей схеме: если значение слова А не совпадает ни с одним признаком значения определяемого слова В, то значение одного из слов должно функционировать в модифицированном значении, которое приобретает путем актуализации общего характеризующего признака, на основании включения несовместимых компонентов в некоторое контекстуально обусловленное единство.

Наиболее частотная модель семантически противоречивых сочетаний для художественного текста - модель НС по родовому признаку *одушевленное vs. неодушевленное*. Данная модель особенно часто встречается в фантастических произведениях, где действуют иные физические законы, получающие свое отражение в иных правилах сочетаемости единиц. Акт интерпретации в данном случае определяется законами не реального, а фантастического мира, с иными требованиями к значениям истинности. Например, *Fudge subsided into what was clearly an aggrieved silence, but it was broken almost immediately by the portrait, which suddenly spoke in its crisp, official voice* (J. K. Rowling, *Harry Potter and the Half-Blood Prince*).

Интенционал лексемы *portrait* модифицируется в сторону контекстуально обусловленного *переноса* в него нетипичных видовых свойств (портрет → средство связи с министерством) со следующей коммуникативной целью - экспрессивно-образное описание фантастического, неправдоподобного мира с другими законами «фантастического универсума».

Следующей распространенной моделью является НС по родовому признаку *люди vs. животные и растения*: *The fact that he was fifty quid in the red and expecting Civilisation to take a toss at any moment had caused Uncle Tom, who always looked a bit like a pterodactyl with a secret sorrow, to take on a deeper melancholy* (P. G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*).

В приведенном примере эффект семантической аномалии отчасти сокращается за счет введения языкового маркера-ограничителя *a bit like*, но и в этом случае сочетание *a pterodactyl with a secret sorrow* аномально, поскольку птеродактиль относится к классу животных, а эмоция «тайная печаль» присуща только человеку. В данном сочетании происходит контекстуально обусловленный *перенос* значения определяемого слова *pterodactyl* → *старик, пессимистично настроенный по поводу будущего*.

Следующая модель НС по родовому признаку *конкретное vs. абстрактное*: *The work of a lifetime, it said everything about love any hand could express. It was love, carved out of wood* (J. Carroll, *The Marriage of Sticks*). В примере наблюдается нарушение номинации, когда слово конкретной семантики *carved* (*вырезанный из дерева*), выбирается для обозначения слова абстрактной семантики *love*, получающее в результате смыслового структурирования перенесенное значение: *love* → «*колыбель, вырезанная из дерева, которая является воплощением материнской любви*».

В следующем предложении наблюдается реализация модели НС при *совмещении разных временных планов*:

I haven't eaten since I was seventy years old. (J. Carroll, *The Wooden Sea*).

В примере происходит перенос элементов прошедшего времени в настоящее, что создает экспрессивный эффект абсурда, характерный для произведений данного автора. Установление смысла происходит по следующей схеме: *since I was seventy*

years old → *тот мой визит в будущее, когда мне было семьдесят лет*. При модификации наблюдается сужение значения обстоятельства.

В модели *Некорректное обозначение качества (цвет, материал, размер и т. п.)* впечатление аномальности возникает вследствие ненормативного подбора вида определения. В результате рассогласования между словами по *видовому* признаку возникает впечатление абсурдности, неосмысленности данного сочетания без дополнительного эксплицитного пояснения аномального сочетания со стороны автора непосредственно в тексте произведения. Например, в следующем отрывке сочетание *wooden sea* не обладает логически выводимым смыслом. В тексте романа автор далее дает экспликацию сочетания, что это детская загадка, которая направлена на то, чтобы заставить задуматься, найти нестандартное толкование сочетания слов, которое, как оказалось в итоге, не имеет смысла, оставаясь в формате парадоксального обмена репликами:

"Hey, Caz, how do you row a boat across a wooden sea?"

"I couldn't care less. Cute little arcane questions don't interest me."

"With a spoon."

Both of us looked at the boy. "A spoon?"

"Yes, because there's no such thing as a wooden sea. So if there was then it'd be a crazy thing, which means you'd have to use something crazy to row across it, like a spoon. (J. Carroll, The Wooden Sea).

С точки зрения синергетического потенциала подобных нарушений можно говорить о том, что значения элементов сочетания *не подвергаются никакой модификации*, оставаясь в своем системном значении. Однако система смысла не дает сбой, активизируя при самоорганизации весь тот потенциал, который несет в себе контекст с поправкой на коммуникативное намерение автора — привлечь внимание к абсурдности, нереальности происходящего.

В случае употребления *неассимилированного иноязычного слова* в англоязычных художественных текстах наблюдается в основном употребление только графически неассимилированных слов, причем использование графического маркера в виде курсивного выделения слова является типичным в этом случае и снижает впечатление аномальности. Например: *They continued rankling as I shed the form-fitting, and had not ceased to rankle when, clad in the old dressing-gown, I made my way along the corridor to the salle de bain (P. G. Wodehouse, Right Ho, Jeeves).*

Употребление графически неассимилированных слов французского языка в контексте англоязычного романа П. Вудхауса не приводит к модификации значений слов, поскольку они «не имеют значения» с точки зрения английского языка. Однако использование таких сочетаний не придает высказываниям впечатления полной абсурдности и непереосмысленности, поскольку по контексту понятно, о чем идет речь, и автор использует такие сочетания намеренно, с целью подчеркнуть осознание Вустером важности и торжественности момента.

Использование в качестве однородных членов слов с одинаковой синтаксической функцией, но разной семантической наполненностью (*зевгма*) приводит к ярко выраженному эффекту комичности:

He was in evening dress and hysterics (P. G. Wodehouse, Right Ho, Jeeves.).

В примере употребление устойчивого словосочетания (*to be in hysterics*) в одном ряду со свободным сочетанием слов (*to be in evening dress*) ведет к модификации значения одной из лексем с целью их уподобления по коннотативным признакам. То есть происходит модификация значения слова *evening dress* → *negative emotions*, что

приводит к следующему имплицитно выраженному смыслу: *он так не любил торжественные мероприятия, где необходима парадная форма одежды, что они приводили его в отчаяние.*

Таким образом, в результате столкновения семантических характеристик компонентов сочетания появляется двойная актуализация значения лексемы - контекстуального и словарного. В случае намеренного нарушения семантической сочетаемости слов по данному типу в большинстве случаев происходит подавление словарного значения контекстуальным с приобретением высказыванием особого имплицитно выраженного смысла и обогащением исходного значения определенной экспрессивно-оценочной окраской.

Наиболее часто встречающейся трансформацией в случае семантически противоречивых сочетаний является семантический *перенос* (73 % от общего количества проанализированных примеров).

3. Деформация фразеологических единиц. Устойчивость, неразложимость фразеологических единиц является предпосылкой того, что возможная деформация словосочетания ведет к актуализации потенциального значения слова. Например, *"Don't always judge a thug by his cover, Tom (J. Carroll, The Wooden Sea) - ср. с исходным фразеологизмом Don't judge a book by its cover.*

Было установлено, что в основном замена происходит лексемами с 1) противоположным подвидовым значением (*clean* → *dirty*); 2) обладающими сходными видовыми признаками (*Jack* → *Jill*; *master* → *mistress*); 3) несовпадающими по родовому признаку (*book* → *thug*). В первых двух случаях происходит *сдвиг* в значении лексем, в третьем случае – *перенос* качеств исходных лексем.

В случае *эллиптических конструкций* модификации системного значения слов не происходит, установление смысла основывается на фоновых знаниях реципиента и не представляет особой сложности при совпадении концептуальных систем автора и реципиента. Так, в следующем предложении происходит усечение оригинального фразеологизма *Every cloud has a silver lining: "Of course, it will be agony."* *I pointed out the silver lining. (P. G. Wodehouse, Right Ho, Jeeves).*

Данный тип аномалий встречается в художественном тексте относительно редко, возможно ввиду того, что в этом типе текстов автор имеет право на создание более смелой образности и обладает для реализации этого более широким арсеналом средств.

4. Нарушения стилистической сочетаемости. При определении норм лексической сочетаемости необходимо учитывать стилиевую отнесенность высказывания. В ходе анализа были выделены и описаны следующие структурно-семантические модели данного типа нарушений в художественном тексте:

4.1. Слово высокой стилистической маркированности используется для номинации в нейтральной ситуации: *We were down South, in Alabama – Bill Driscoll and myself - when this kidnapping idea struck us. It was, as Bill afterward expressed it, "during a moment of temporary mental apparition"; but we didn't find that out till later (O Henry).*

Выделение фразы кавычками в данном случае является скрытой аллюзией на клише из сферы судопроизводства, которая, контрастируя с обыденным описанием, создает яркий юмористический эффект.

4.2. Наиболее частотной моделью для художественного текста является одновременное употребление слов высокой и низкой стилистической маркированности в нейтральном контексте: *Gussie and I, as I say, had rather lost touch,*

but all the same I was exercised about the poor fish, as I am about all my pals, close or distant, who find themselves treading upon Life's banana skins (P. G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*). Ср., *to be exercised about smth.* — книжн. беспокоиться о чём-л., испытывать беспокойство по поводу чего-л.; *poor fish* – разг. молокосос, протак.

Количественный анализ частотности описанных типов лексико-семантических аномалий в художественном тексте показал следующие результаты: семантически избыточные сочетания встречаются в 6% случаев, семантически противоречивые в 80% случаев, деформация фразеологических единиц в 8% случаев и нарушение стилистической сочетаемости в 6% случаев от общего количества проанализированных примеров.

Как показал анализ моделей лексико-семантических аномалий, их смыслообразование характеризуется возникновением различных видов противоречий, представленных в виде двух основных типов нарушений семантических отношений:

1. Противоречия между родовыми признаками сочетаемых слов. Графически этот тип можно представить в виде следующей оппозиции: /семантический признак₁/vs. /семантический признак₂/.

2. Противоречия между словом и его видовыми или подвидовыми признаками. Графически этот тип можно представить в виде следующей оппозиции: /семантический признак/←лексема.

Смысловая самоорганизация в точке бифуркации с целью разрешения конфликта характеризуется следующими закономерностями: 1) родовые противоречия чаще всего снимаются при *переносе* значения одной из языковых единиц с целью приближения ее значения к значению другого элемента, необходимого для выведения логически корректного смысла; 2) видовые и подвидовые противоречия возникают в пределах одной семантической группы, поэтому значения элементов в этом случае подвергаются внутривидовым модификациям — *сужению, расширению и сдвигу*.

II. Следующий тип аномалий - **морфологические аномалии** - заключается в нарушении операции выбора и субституции единицы (например, ненормативный выбор части речи, отдельных грамматических категорий) и в операции соединения единиц, возможности их сочетаемости.

Употребление категории не в своем нормативном значении приводит к тому, что она приобретает новое значение с приращением дополнительного, имплицитно выраженного смысла. Эти преобразования могут происходить путем перекодировки значений внутри одной семантической группы – *внутривидовые модификации* (сужение, расширение и сдвиг, например, внутри разных значений, которые приобретает грамматическая категория) или между разными группами – *межвидовые перекодировки* (перенос значения одной грамматической категории на другую).

Основные модели морфологических нарушений получают свою реализацию в следующих типах:

1. **Нарушение словообразовательных связей.** Показателями данного типа нарушений является, во-первых, незафиксированность словоформы в словарях, что указывает на отсутствие такого сочетания в кодифицированной норме современного литературного языка, и, во-вторых, нарушение стандартных словообразовательных моделей английского языка при образовании словоформы.

Например, "*Oh—yes—didn't you know?*" said Hermione, with a most un-Hermione-ish giggle (J. K. Rowling, *Harry Potter and the Half-Blood Prince*).

Согласно норме суффикс *-ish* при присоединении к существительным, обозначающим целый класс предметов, образует прилагательное, приобретающее качества этого класса существительных (часто с отрицательной окраской), ср., например, *childish*. В связи с тем, что не существует такого класса существительных как *Гермиона*, происходит внутрикатегориальная модификация значения корневой морфемы по следующей схеме: корневая морфема (имя собственное *Гермиона*) → корневая морфема (имя нарицательное /класс таких чересчур серьезных людей, как *Гермиона*/). Нестандартное употребление суффикса прилагательного *-ish* подчеркивает нетипичность ситуации, когда обычно серьезная *Гермиона* способна на легкомысленное хихиканье. Маркером особого экспрессивного режима употребления данного слова, помимо прочего, служит дефисное разделение корневой морфемы и аффиксов.

В следующем примере наблюдается присоединение суффикса *-ish* к прилагательному: *You've had a toughish time, no doubt, soothing Anatole* (P. G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*).

Присоединение суффикса *-ish* к прилагательному в английском языке несколько уменьшает «насыщенность» исходного прилагательного, выделяя приблизительность признака (ср., например, *reddish* — красноватый). Употребление данного суффикса с прилагательным *tough*, стандартное значение которого не подразумевает уменьшительного оттенка значения в сочетании с контекстом (угроза повара уволиться), придает высказыванию коннотативный смысл легкомысленного и пренебрежительного со стороны Вустера отношения к попыткам тети успокоить разгневанного повара.

В следующем примере наблюдается контаминация слов, которая, хотя и производится по аналогии с нормативной словообразовательной моделью слова *speedometer*, воспринимается как аномальная, поскольку страх не может измеряться по строгой метрической шкале: *Now he had my fearometer in the red zone (a new experience for me) while he enthusiastically wolfed down bacon and blueberry pancakes* (J. Carroll, *The Wooden Sea*).

С точки зрения смыслообразования модификация значения корневых морфем не происходит ввиду того, что сочетание корневых морфем имеет пустой логический объем, однако значение полученного новообразования подвергается логическому исчислению благодаря контексту и общему значению нормативной словообразовательной модели, по аналогии с которой оно было образовано.

В общем виде, в случае некорректных словообразовательных связей механизмом самоорганизации смысла с целью преодоления семантических противоречий в структуре слова является контекстуально обусловленное расширение значения корневой морфемы.

2. Нарушение нормы употребления категории рода.

Then Night, like some great loving mother, gently lays her hand at our fevered head...and, though she does not speak, we know what she would say (Jerome K. Jerome, *Three men in a boat*).

Употребление в данном контексте неодушевленного существительного в формате одушевленного приводит к дальнейшему употреблению личного местоимения, заменяющего данное существительное и обладающего категорией рода. Это привносит в высказывание коннотативный оттенок эффекта олицетворения с целью вызвать у реципиента образные чувства по отношению к слову абстрактной семантики *ночь* как к некоему живому существу, наделенному соответствующими

чертами. Этому эффекту способствует также употребление графического маркера в виде заглавной буквы, которое также помогает модифицировать значение в сторону сдвига значения имен нарицательных по следующей схеме: имя нарицательное неодушевленное *night* → имя собственное одушевленное *Ночь*.

3. Нарушение нормы употребления категории числа.

"As a matter of fact, I am not speaking without a knowledge of the form book. I have tested this theory." (P. G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*).

При самоорганизации смысла происходит уподобление аномальных словоформ с однородными дополнениями при одновременной актуализации контекстного значения, которое придает этим словам имплицитно выраженный оттенок значения эксцентричности. С точки зрения изменения системного значения слов в данном случае можно говорить о *сдвиге* в грамматическом значении слов по следующей схеме: неисчисляемое существительное *knowledge* → исчисляемое существительное *knowledges*.

4. Нарушение падежных отношений.

Примером данного нарушения может служить употребление возвратного местоимения вместо объектного падежа местоимения: *I always wondered why a wizard such as yourself never wished to leave school* (J. K. Rowling, *Harry Potter and the Half-Blood Prince*).

НС в этом случае является показателем разговорного стиля, что позволяет дать более точную характеристику социального статуса говорящего.

5. Нарушение нормы употребления категории степени сравнения.

В следующем примере ненормативное использование синтетической формы степени сравнения *instantier* вместо аналитической формы *more instant* придает высказыванию ярко выраженный комический эффект, усиленный контекстуальным употреблением данной формы: бешенство и отчаяние Вустера, обнаружившего, что он не может немедленно заполучить ключ: *I wanted that back-door key, and I wanted it instantier* (P. G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*).

В целом следует отметить, что Вустер употребляет ненормативные словоформы наравне с нормативными, однако неправильные формы употребляются им, чтобы подчеркнуть «напряженность» момента.

6. **Нарушение нормы употребления категории залога.** С некоторыми глаголами (to finish, to do) более принято употребление активной конструкции с подлежащим – одушевленным существительным. В следующем примере, однако, наблюдается нарушение данного правила: *I also described what had gone on between Barry and me. When I was finished, the blown-fuse look on George's face said it all* (J. Carroll, *The Wooden Sea*).

Такое нестандартное употребление пассивной конструкции придает высказываниям имплицитно выраженный оттенок принуждения к выполнению действия под давлением неких внешних обстоятельств.

В целом, анализ показал, что в случае *некорректных употреблений грамматических категорий* механизмом самоорганизации смысла с целью преодоления семантических противоречий в структуре сочетаний слов является контекстуально обусловленный *сдвиг* в значении морфологической категории.

7. **Нетипичная конверсия.** В этом случае слово не только функционирует в нетипичной для него синтаксической функции и употребляется в не свойственном для него словесном окружении, но и осложняется нетипичными для него флексиями:

"Me in love with Angela? Ha-ha!"

"You can't get out of it with ha-ha's. She called you 'darling'." (P.G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*).

Смысловая нагрузка исходной части речи подвергается трансформации по типу *переноса*, когда образовавшееся слово приобретает характеристики и значение, типичное для другой части речи, а именно, как показал анализ эмпирического материала, существительного и глагола. Межвидовая модификация в виде *переноса* системного значения слов происходит по следующей схеме: *междометие /ха-ха/ → существительное /легкомысленное хихиканье/*.

При актуализации отдельных морфологических категорий в дискурсивной среде при прохождении стадии хаотизации наблюдается транспозиция грамматических форм с целью сохранения структурного порядка, что в свою очередь приводит к возникновению дополнительной экспрессивной окраски высказывания и к приращению имплицитно выраженных смыслов.

III. Синтаксические аномалии рассматриваются как *синтаксические нарушения сочетаемости (НС)*. Данные нарушения могут проявляться как нарушения синтаксической модели словосочетания (предложения) или как аномальная вербализация синтаксических позиций.

Так как глагол является центром предикации в предложении, то при нарушении нормативных отношений предиката с актантами и сирконстантами происходит изменение семантической конфигурации предложения и, как следствие, изменение смысла предложения и модификация системных значений составляющих предложение элементов. Эти преобразования могут происходить путем перекодировки значений внутри одной семантической группы – это *внутривидовые модификации* (сужение, расширение и сдвиг, например, внутри разных значений, которые приобретают агентивы) или между разными группами – это *межвидовые перекодировки* (например, перенос значения агентивов на локативы). К синтаксическим аномалиям относятся следующие типы:

1. Нарушение субъектно-объектных отношений.

Согласно норме, если структура предложения имеет вид *субъект – предикат – объект*, то в большинстве случаев такое предложение обозначает ситуацию с двумя участниками; при этом предикат обозначает воздействие, оказываемое субъектом на объект. Следовательно, позицию субъекта и объекта не занимают слова, обозначающие одного и того же деятеля. В следующем примере, однако, семантический одушевленный субъект (агентив) совпадает с одушевленным объектом (пациентивом), выраженным объектным местоимением или существительным: "*You can only steal it. But if you do, then you won't be able to come back and visit. I'd rather know me than rob me.*" (J. Carroll, *The Marriage of Sticks*).

В данном контексте (разговор между старой художницей и ее молодой коллегой) предложение приобретает иронический оттенок. В результате происходит переосмысление значения пациентива посредством внутривидовой перекодировки участников ситуации: *пациентив me /меня/ → пациентив me /значимый в своей области человек, знакомство с которым очень ценно/*, т.е. происходит сужение в значении актанта.

2. Нарушение предикатно-объектных отношений.

Аномальность в следующих примерах заключается в употреблении непереходного глагола *to disappear* в сочетании с прямым дополнением: *George scurried around uselessly looking for the dog. I flicked off the phone and called out to him.*

"Forget it. Whoever disappeared him is playing with us. You won't find him now." (J. Carroll, *The Wooden Sea*).

В результате аномального использования глагола *disappear* как переходного глагола происходит внутривидовая трансформация значения предиката по типу сдвига по следующей схеме: непереходный предикат /исчезать/ → переходный предикат /заставить исчезнуть/, что создает дополнительный контекстный смысл насильственного действия по отношению к собаке, которая исчезла из дома не по своей воле, что, в свою очередь, имплицитно создает тревожную атмосферу надвигающейся опасности.

3. Нарушение предикатно-обстоятельственных отношений.

В следующем примере статальный предикат сочетается с адвербиальным уточнителем, хотя согласно норме статальные предикаты обычно не употребляются с адвербиальными уточнителями, что приводит к имплицитно выраженному чувству отчаяния девушки из-за смерти своего возлюбленного: *I looked at him. I had to ask a question he could never answer because he was dead. Dead everywhere. Dead here, dead in my life (J. Carroll, *The Marriage of Sticks*).*

В этом случае происходит межкатегориальная трансформация по типу переноса локатива /везде/, /здесь/, /в моей жизни/ в темпоратив /навсегда, окончательно/ с целью экспрессивного описания ситуации.

4. Нарушение атрибутивных отношений.

Характеризуется аномальным присоединением градуирующих прилагательных и наречий к словам, семантика которых не предполагает градуирования. Например:

*Besides, he's not one of us. Not one of the chosen few. He's only dead. Dead people are not high on our food chain (J. Carroll, *The Marriage of Sticks*).*

В ходе смысловой самоорганизации аномального сочетания слов происходит внутривидовая модификация системного значения предикатива по типу сужения в виде следующей схемы: предикатив *dead* «мертвый» → предикатив «не активный», т. е. не представляющий опасности с авторской целью усиления эксплицитно выраженных характеристик определяемого слова.

5. Нарушение субъектно-предикатных отношений.

В англоязычном художественном тексте, прежде всего, наблюдается нарушение согласования по числу между субъектом и предикатом:

"But, Bertie, you don't mean you know these Traverses?"

*"They are my Aunt Dahlia." (P. G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*)*

В примере автор, обыгрывая данное нарушение, привносит в речь Вустера имплицитно выраженный юмористический эффект, который достигается в том числе и с помощью внутривидовой модификации значения предиката по следующей схеме: предикат единственного числа *my Aunt Dahlia* «моя тетя Дэлиа» → предикат множественного числа *my Aunt Dahlia* «члены семьи Траверс», то есть в данном случае происходит контекстуально обусловленное *расширение* значения предиката с целью придания высказыванию юмористического эффекта, эффекта балагурства.

6. Нарушение порядка слов в предложении.

Согласно нормативному порядку слов, качественное наречие употребляется после предиката, однако в следующем случае наречие стоит в препозиции, что придает особый экспрессивный режим употреблению инфинитива *to kill* в данном контексте: *"I'm sorry, Harry; I should have said, he would not want to immediately kill the person who reached this island," Dumbledore corrected himself (J. K. Rowling, *Harry Potter and the Half-Blood Prince*).*

Количественный анализ частотности синтаксических аномалий в художественном тексте показал ограниченное употребление данного типа аномалий (13% от общего числа) ввиду того, что английский язык характеризуется очень жесткой кодифицированной системой правил, и не каждый автор рискует употреблять данные конструкции в своем произведении.

Изменения в смысловой структуре аномальных высказываний, возникающие в результате модификации системного значения его элементов, приводят в свою очередь к модификации функциональных характеристик дискурса и к созданию специфического коммуникативного эффекта, то есть к самоорганизации художественного дискурса под влиянием изменившихся характеристик составляющих его элементов.

В главе 3 «Языковые аномалии в публицистическом тексте» соблюдается тот же принцип анализа структурно-семантических моделей языковых нарушений и семантических механизмов модификации системного значения языковых единиц, что и в Главе 2, при этом особо подчеркиваются выявленные различия. Среди аномалий языка в публицистическом тексте выделяются три типа нарушений сочетаемости (НС): **лексико-семантические аномалии; морфологические аномалии; синтаксические аномалии.**

1. Лексико-семантические аномалии в публицистическом тексте сводятся к четырем основным типам:

1. Семантически избыточные сочетания в публицистическом тексте получают следующие модели реализации.

1.1. Избыточная позиция обстоятельства.

"When history calls, history calls." So said Senator Olympia Snowe on October 13th just before casting her much fought-over vote in favour of along-awaited health bill in the Senate's Finance Committee (The Economist, October 17, 2009).

1.2. Избыточная вербализация адъективного определения.

That's the real Spain Spain, not your tourist Spain (The Week, 2009, 12-19 Dec.).

1.3. Избыточная категоризация действия. В ходе анализа выявлено, что данная модель является типичной именно для публицистического текста:

David Frurn, a former speechwriter for George Bush who was brave enough to refer to health care as the Republicans' "Waterloo" in a much-noticed column, was unceremoniously sacked a couple of days afterwards from his job at the American Enterprise Institute (The Economist, April 3, 2010).

1.4. Повтор компонентов, однокоренных слов, например:

A count that counts (The Economist, January 9, 2010).

1.5. Совпадение значения темы и ремы предложения. Данная модель также является типичной для публицистического текста:

More is more? (The Economist, June 12, 2010)

Анализ текстовых примеров показал, что наиболее частотной трансформацией в случае семантически избыточных сочетаний в публицистическом тексте является *расширение* семантического значения слова при одновременной актуализации энергии контекста. Например, в случае повтора компонентов: *"And the condition is," Gibbs said with a broad grin, "that it take place in the Oval Office." This meant it would not just be an interview, but an "Interview", taking place in the innermost of the White House's inner sanctums (The Independent, June 19, 2010).*

В этом примере именно графические маркеры (употребление исходного понятия в кавычках и с заглавной буквы) будут сигналом для читателя о необходимости

модификации *видового значения /интервью/* → *видовое значение /самое важное интервью в жизни журналиста/*. В данном случае наблюдается *расширение языкового значения слова interview* под влиянием контекста и на основе коннотативных признаков понятия «Oval Office», с выражением следующего имплицитного смысла: *«это будет нечто гораздо большее и значительное, чем обычное интервью»*.

2. Аналогично художественному тексту, наиболее многочисленной группой лексико-семантических аномалий в публицистическом тексте являются *семантически противоречивые сочетания*. Ввиду аналогичности моделей рассмотрим лишь наиболее частотные из них или обладающие спецификой реализации по сравнению с художественным текстом:

- Модель НС по родовому признаку *одушевленное vs. неодушевленное*.
When your carpet calls your doctor (The Economist, April 10, 2010).

В отличие от функционирования данной модели в художественном тексте (фантастический реализм и фэнтези), в публицистическом тексте данная модель в основном применяется с целью придания черт живых существ реальным предметам вокруг нас, которые меняются с развитием новых технологий.

- Модель НС по родовому признаку *положительное vs. отрицательное*. Анализ материала показывает, что частотность употребления этой модели в публицистическом тексте значительно превосходит ее частотность в художественном тексте в связи с ее особой функцией - необходимостью передать реципиенту свою точку зрения на реалии общественно-политической жизни, что обуславливает также необходимость выделения в этом случае *функции воздействия* как аттрактора, обеспечивающего самоорганизацию публицистического дискурса при реализации данной модели. В следующем примере, помимо уже заложенной в структуре аномального сочетания коннотативности, автор непрямо призывает реципиента осудить бывшего премьер-министра Таиланда, который продолжает возглавлять мятеж, сам при этом находясь в комфортных условиях за границей:

From his luxurious exile he denied, once again, that he was giving orders to the red-shirt leaders and urged everyone to embrace peace (The Economist, May 22, 2010).

- Употребление неассимилированного иноязычного слова. В отличие от художественных текстов, в публицистических наблюдается несколько иная модель реализации данного типа сочетаний. Здесь иноязычное слово является и семантически и графически неассимилированным английским языком:

As easy as jeden, dwa, trzy (The Economist, March 20, 2010).

В данном случае лексемы (*jeden, dwa, trzy* – (польск.) раз, два, три) не зафиксированы в словарях и не имеют узального значения для представителей другой культуры, следовательно, слова не могут сочетаться, поскольку средний англоязычный реципиент не может выделить в них никакого семантического наполнения. Однако, предложение не может считаться абсолютно бессмысленным, так как под влиянием ритмико-графического оформления и аллюзии на английскую идиому (*As easy as one, two, three*) смысл предложения понятен и его декодирование не представляет особой сложности. Установлено, что употребление графического маркера в виде курсивного выделения слов является типичным в этом случае, что также является выражением синергического потенциала контекста.

Анализ материала показывает, что наиболее частотной трансформацией в случае семантически противоречивых сочетаний является *семантический перенос* (79 % от

общего количества проанализированных примеров). В общем виде этот процесс можно выразить на примере следующего предложения:

Doctors are an obvious early target for wireless health (The Economist, January 9, 2010).

Видовое значение лексемы *health* подвергается модификации по типу *переноса*: *health* /здоровье/ → *health* /контроль данных о состоянии здоровья/. В результате сложения смысловых потенциалов слов с перенесенным значением, высказывание приобретает следующий смысл, обусловленный контекстом - «контроль за состоянием здоровья пациента, осуществляемый с помощью мобильной связи».

3. Деформация фразеологических единиц. В отличие от художественного текста, публицистический текст допускает гораздо большее разнообразие реализации данного типа нарушений, что позволило выделить и описать следующие типовые структурно-семантические модели:

3.1. Аналогично художественному тексту, наиболее частотной моделью реализации данного типа нарушений является замена одного или нескольких компонентов фразеологического сочетания. Деформация фразеологизмов по этой модели способствует повышению экспрессивного потенциала высказывания, например: *Every oil spill has a silver lining - if you are a lawyer, that is (The Economist 22 May, 2010).* При деформации исходного фразеологизма *Every cloud has a silver lining* происходит имплицитное обыгрывание оценки разлива нефти в Мексиканском заливе как катастрофы, которая может принести выгоду юристам, ведущим многочисленные дела по взысканию убытков с компании BP. Перестройка самой фразеологической единицы совершается автором с целью создание эффекта индивидуально-авторской стилистической игры, направленной на имплицитно выраженную оценку события, человека или явления.

3.2. Графические изменения.

Beep there, done that (The Economist, January 9, 2010).

В данном случае наблюдается игра слов, основанная на омонимии слов *beep* и *been* (статья о соевых бобах). В результате применения слов с другим интенционалом происходит изменение значения всего фразеологического сочетания, что приводит к возникновению юмористического эффекта при максимально сжатой форме репрезентации.

Следующие модели основаны в большей степени на формальных преобразованиях, которые ведут к различным стилистическим эффектам, не меняя при этом кардинально семантическую наполненность элементов фразеологического сочетания.

3.3. Добавления.

Once upon a time, or about two years ago, the European Union was full of optimism about China, and how it was becoming a "responsible stakeholder" in the world (The Economist, January 23, 2010) - ср., с исходной идиомой once upon a time.

3.4. Перестановка компонентов.

Good news is no news: the preparatory meeting to set up a south-east European firefighting centre, part of the Regional Co-operation Council, is hardly worth mentioning even in Sarajevo (where it took place), let alone anywhere else (The Economist, August 20, 2009) - ср. с исходным фразеологизмом no news is good news.

3.5. Фразеологические контаминации.

Venture capitalists are licking their wounds-and their lips (The Economist May 1, 2010).

В данном случае происходит контаминация двух фразеологизмов: *to lick one's wounds* — *зализывать раны*; *lick one's lips* — *предвкушать (что-л.)*.

Установлено, что лингвистический механизм установления смысла в данном типе нарушений основан на семантическом *сдвиге* и *переносе* значений единиц этой, уже изначально транспонированной единицы.

4. Нарушения стилистической сочетаемости. Стилистические нарушения особенно ярко проявляются в публицистическом тексте, где они являются одним из наиболее показательных способов воздействия на реципиента, поскольку автор, применяя в нейтральном дискурсе политических статей стилистические аномалии, выражает свою интенцию сделать проблему понятной для широкого круга читателей. Нетрудно заметить, что характер воздействия в данном случае близок к тому, что можно назвать воздействие-убеждение читателей в правильности выражаемых автором оценок, мнений, комментариев.

Наиболее частотная структурно-семантическая модель нарушений стилистической сочетаемости в публицистическом тексте: *слово сниженной стилистической маркированности используется для номинации в нейтральной или официальной ситуации*. Например,

Yet whatever they think of the Iraq war, few Western leaders would want to offer a total guarantee that in a world of loose nukes, failed states and global terrorists they would never send troops across a state boundary (The Economist, May 29, 2010). В авторском комментарии по поводу позиций политических лидеров западных стран в отношении войны в Ираке ненормативно употребляется разговорное сокращение *nuke* - ядерное оружие, что передает имплицитно выраженное опасение автора, что, несмотря на военные действия в Ираке, угроза со стороны стран Ближнего Востока не снята.

В случае нарушения семантических отношений вследствие стилистических противоречий между словом и окружающим его контекстом происходит *сдвиг* в стилистической окраске обоих соседствующих элементов под влиянием окружающего контекста.

Количественный анализ частотности описанных типов лексико-семантических аномалий в англоязычном публицистическом тексте показал следующие результаты: семантически избыточные сочетания встречаются в 4% случаев, семантически противоречивые в 57% случаев, деформация фразеологических единиц в 18% случаев и нарушение стилистической сочетаемости в 21% случаев от общего количества проанализированных примеров.

II. Морфологические аномалии в публицистическом тексте получают свою реализацию в следующих типах:

1. Некорректные словообразовательные связи.

Last year's "town-hall meetings" spread the wild falsehood that Obamacare would create "death panels" to determine who would live and die (The Economist, January 16, 2010).

Образование сложного слова от имени собственного несет в себе очень сильный экспрессивно-оценочный потенциал. По именам собственным, которые обыгрываются в составе слов, можно судить о популярности определенных лиц, компаний, мест, событий и т.п. в конкретный исторический период. В примере происходит подмена нейтрального слова *healthcare* (здравоохранение) на окказионализм *Obamacare*, что придает высказыванию двусмысленный характер: 1) *Obamacare* – законопроект президента Обамы по реформированию системы

здравоохранения, но и по аналогии с нормативным словом *healthcare* (здравоохранение) как 2) *Obamacare* - благополучие самого Обамы.

Межвидовая модификация системного значения слов по типу сужения в случае некорректных словообразовательных связей в большинстве случаев происходит по следующей схеме: корневая морфема - имя собственное /Обама/ → корневая морфема /законопроект президента Обамы/.

2. Нарушение нормы употребления категории числа. В этой рубрике наблюдается модель, которая практически не встречается в художественном тексте: *Messrs Catmull and Lasseter spent many of their formative years watching Icaruses fall to earth from their base near Silicon Valley* (The Economist, June 19, 2010).

Большинство собственных имен в английском языке не образуют множественного числа. В приведенном примере употребление имени во множественном числе (*Icaruses*) свидетельствует о том, что в данном контексте это существительное утрачивает свою уникальность и переходит в разряд имен нарицательных, обладающих характерными чертами, приписываемыми изначальным понятиям. Так, употребление множественного числа имени собственного *Icarus* в примере является индикатором следующего имплицитно сообщаемого смысла – ведущие художники-аниматоры компании Пиксар в начале своей карьеры учились на чужих ошибках, наблюдая за тем, как молодые и дерзкие «Икары» в попытках поразить кинематографическое сообщество, «гибнут», так и не воплотив свои замыслы.

3. Нарушение нормы употребления категории степени сравнения. *Advertisements, usually featuring a man in a scientific white coat and an enthralled housewife, repeatedly raised the bar: clothes needed to be whiter than white, fabrics ever softer, surfaces to sparkle and shine* (The Economist, December 19, 2010).

Межвидовая модификация системного значения слов в случае нарушения употребления морфологических категорий чаще всего происходит по типу сужения системного значения морфологической категории.

4. Нетипичная конверсия.

If these trends continue (admittedly, a big if), America could import barely half as much oil in 2025 as seemed likely just five years ago (The Economist, April 3, 2010).

Нетипичная конверсия применяется автором с целью создания образной, эмоционально-экспрессивной контекстной ситуации. Смысловая нагрузка исходной части речи подвергается трансформации по типу сдвига, когда образовавшееся слово приобретает характеристики и значение, типичное для другой части речи, а именно, как показал анализ, существительного.

Установлено, что для публицистических текстов не характерно широкое употребление морфологических аномалий (10% от общего числа обнаруженных аномалий в публицистических текстах), однако нарушение категории числа в большей степени типично для публицистического текста.

III. Синтаксические аномалии в публицистическом тексте.

1. Нарушение субъектно-объектных отношений.

Oval Office behind the President, I began kicking myself. Why had I aimed so high? (The Independent, 19 June, 2010).

2. Нарушение предикатно-обстоятельственных отношений.

The left's fondest ambition will become law, and Barack Obama will suddenly look like a successful president (The Economist, March 20, 2010).

3. Нарушение атрибутивных отношений.

Some of these gripes have a point, EU leaders like Mr Sarkozy and Angela Merkel of Germany are playing to their electoral bases when they question Turkey's fitness to join, and many of their core supporters think Turks too foreign (or too Muslim) for the club. (The Economist, June 19, 2010).

4. Нарушение субъектно-предикатных отношений.

В этой рубрике наблюдается фонетическая и графическая игра слов, входящих в состав сказуемого или подлежащего. Например,

Kan he do it? (The Economist, June 5, 2010) – статья о японском министре финансов по имени Наото Кан (*Naoto Kan*).

При проведении анализа текстовых примеров было выявлено, что наиболее частотной трансформацией в случае нарушения синтаксических отношений является перенос значения синтаксической категории. В общем виде этот процесс можно продемонстрировать на следующем примере: *Oval Office behind the President, I began kicking myself. Why had I aimed so high?* (The Independent, June 19, 2010)

В предложении происходит модификация значения герундиальной формы *kicking*, как «упрекать себя, раскаиваться», что приводит, в свою очередь, к изменению значения пациентива, который приобретает свойства объектива. Смысл словосочетания образуется по следующей схеме: пациентив «себя» → объектив «опротечивое решение», т.е. в данном случае происходит перенос значения отлагательной формы и значения ее актанта. Предложение приобретает следующий имплицитно выраженный смысл: «я начал раскаиваться в своем опротечивом решении взять интервью у самого Президента».

Публицистический текст характеризуется гораздо более низкой частотностью синтаксических аномалий (6% от общего числа обнаруженных аномалий в публицистических текстах), что представляется вполне объяснимым, поскольку намеренные синтаксические аномалии требуют творческого подхода, а это не всегда прагматически оправданно по отношению к публицистическому тексту.

На основании описанных типовых моделей выводятся интерпретационные модели, помогающие реципиенту вывести значение противоречивого сочетания слов. Эти модели основаны на следующих видах модификаций значений элементов аномального высказывания: *сужение, расширение, сдвиг и замена значений актантов и сирконстантов*.

В заключении излагаются основные результаты проведенного исследования и указываются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Основной вывод состоит в следующем: намеренное употребление автором языковых аномалий в определенном контексте приводит к семантическим модификациям системных значений единиц английского языка с целью сохранения системы смысла, что является выражением потенциала аномалий в качестве средства самоорганизации англоязычного дискурса. Результат самоорганизации дискурса заключается в образовании новых упорядоченных структур коммуникативно-функционального плана.

Анализ эмпирического материала выявил, что изменения системного значения языковых единиц могут происходить путем перекодировки значений внутри одной семантической группы – *внутривидовые модификации* (сужение, расширение и сдвиг) или между разными группами – *межвидовые перекодировки* (перенос значения).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Мурдускина, О.В. Синтаксические аномалии как средство смысловой самоорганизации языка / О.В. Мурдускина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2011, №5 (59). Волгоград: ВГПУ, 2011. – С. 25-28. - 0,5 п.л.

2. Мурдускина, О.В. Синергичный потенциал лексико-семантических аномалий в художественном тексте / О.В. Мурдускина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования, 2011, № 3 (17). Орел: полиграфическая фирма «Горизонт», 2011. – С. 343-346. - 0,6 п.л.

Научные статьи, опубликованные в других изданиях:

3. Мурдускина, О.В. К вопросу о нормативном порядке слов в английском предложении / О.В. Мурдускина // Сборник докладов II Всероссийской научно-практической конференции «Преподавание и изучение иностранных языков: традиции и новации». - Тольятти: ТВТИ, 2006. - С. 132-136. - 0,3 п.л.

4. Мурдускина, О.В. Синергетический подход к вопросу нормы и аномалии в речи / О.В. Мурдускина // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. - Тольятти: ТГУ, 2007. - С. 113-116. - 0,3 п.л.

5. Мурдускина, О.В. Языковые аномалии в тексте // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» / О.В. Мурдускина // Гуманитарные науки и практики. Часть II. - Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2009. – С. 280-286. - 0,4 п.л.

6. Мурдускина, О.В. Нарушение лексико-семантической сочетаемости в современном английском языке / О.В. Мурдускина // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков: материалы II Международной научной конференции. - Тольятти: ТГУ, 2010. – С. 334-343. - 0,6 п.л.

7. Мурдускина, О.В. Нарушение языковой нормы как средство развития языка / О.В. Мурдускина // Проблемы теоретической и прикладной лингвистики: сборник статей Международной научно-практической конференции. - Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. – С. 184-186. - 0,2 п.л.

8. Мурдускина, О.В. Языковые аномалии как средство самоорганизации языка / О.В. Мурдускина // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов. - Ульяновск: УлГТУ, 2010. – С. 43-48. - 0,4 п.л.

9. Водоватова, Т.Е., Мурдускина, О.В. Аномалия и жанр как характеристика языковой личности / Т.Е. Водоватова, О.В. Мурдускина // Жанры речи: Сб. науч. статей. Вып. 7. Жанр и языковая личность. - Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. – С. 107-116. - 0,6/0,3 п.л.

10. Мурдускина, О.В. Нарушение моделей сочетаемости в фразеологических единицах художественных и публицистических текстов / О.В. Мурдускина // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные и социальные науки, образование. Часть III. - Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2011. – С. 183-189. - 0,5 п.л.

11. Мурдускина, О.В. Семантические аномалии как средство самоорганизации системы смыслов / О.В. Мурдускина // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып.6 — Н.Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2011 - С. 179-185. - 0,4 п.л.

Подписано в печать 29.11.2009. Формат 60×84/16.

Печать оперативная. Усл. п. л. 1,45.

Тираж 150 экз. Заказ № 2-254-11.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

